

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

**«УБЫВАЮ ПРИЧАСТЬЕМ
СТРАДАТЕЛЬНЫМ...»**

* * *

Снегирь/синица — Сирин/Алконост
в саду моем искрящемся и райском,
а снег нейдет: мороз до самых звезд,
стемнело до Венеры и Можайска.
Все ветви у берез посеребря,
луч в польнье рыбачьей отразится,
светает на седьмое января:
горит Звезда, как сердце очевидца...

пейзаж

церкви белая береза
наклонилась над рекой
хорошо сквозь смех и слезы
до звезды достать рукой
если слезы — это свечи
если память — это воск
хорошо, по-человечьи
разговаривает волк
с тем, кто был молчун и филин
или кто? угрюмый сын?
и витии-простофиле
чародейства не постичь
и теперь, когда светает
слово каждое — глагол
человека навещают
и орел, и лев, и вол
звезды? или аметисты?
перелесок и холмы —
все как есть евангелисты
у аквинского фомы

на выходные

осенний лес — печерский монастырь. как караван листвы гоняет ветер-погонщик! солнце лезет на пустырь — негумилевский чад, где чада-дети неугомонно возьмется в пыли. где облака — пустыни корабли.
сентябрь, мне так нужна твоя тоска! часы... и стрелки — пальцем у виска.
да гипсовые в парке пионеры. но скверно дворник выметает скверы.
а воздух, как отравленный, дрожит. мой дворик книгой читаной лежит (десятитомным пушкиным-гроссбухом). печаль сидит за нудным ноутбуком
и правит стих в такие вечера. в цветке застыла мертвая пчела.
природа ожидает воскресенья. но как приятен к чаю мед осенний,
когда шмели торопятся в леток. субботний день, ну вот и ты истек.

не желаю ни Ялты, ни Яффы
 бесконечной земной красоты...
 ни Иус, ни Мухаммед, ни Яхве —
 только ты
 приношенье достав из кубышки
 пить мерцание глаз и камней
 я желаю проникнуть мальчишкой
 в наказуемый угол колен
 и за эту улыбку, глупышка
 ничего не желаю взамен
 наважденье! мне крышка и вышка
 эсмеральда, наташка, кармен

на небеси

не элины, не иудеи, не чудь, не славяне
 но ангелы света, поющие благоговейно
 святые молитвы почище кобейна
 в надмирной нирване
 и к дольному миру ни капли уже не привязан
 никто, и дорога простерта подобием хаджа
 и звук тишины и блаженства исполнен — подобен
 небесному гранжу
 светлы облака, как божественная окантовка
 и праздник повсюду, и нету патронов в винтовках

в никольской церкви был орган — во времена советов, то есть
 чей голос был, как у долорес о'риордан
 я младше был, я был светлей. тогда повсюду было много
 небес, чудес, мечты и Бога, и жизнь людей была ценней
 чем фуга, опус, чем концерт иоганна себастьяна баха
 и письма счастья ради смеха я тоже вкладывал в конверт
 пересылаемый друзьям. и знаешь: счастье было чище
 ...и вот теперь на пепелище былых времен, что нотр-дам
 торчит обугленный завод, и облака над ним — горгульи
 а он стоит... и гули-гули, как голубей, к себе зовет
 былых мальчишек. только мы уже по-старому не верим
 и голос прошлого есть двери большой зимы
 когда на улице пурга, снега и запредельность стужи
 а там — и радуга, и лужи, и голос Бога, что орган...

* * *

Бог тоже был ребенком, он играл
 сном, светотенью, облаком, листвою,
 тобою, мной, тем, что сейчас со мною,
 и никого в игру свою не звал.
 Но лишь в труде на вечные века
 он создал мир: добро и смех ребенка,
 когда б ты ведал, как все это тонко,
 ты б тишиною стал наверняка...
 Чтоб осознать добро и смех ребенка,
 сон, светотень, листву и облака...

* * *

какая печаль эта осень, какая тоска!
 березка в желтеющем платье стоит на носках
 и прячет в огне обнаженное белое тело
 а рядом на алом кострище рябина сгорела
 лишь ходит сорока в армейских своих галифе
 и осень горька и опасна, что аутодафе
 и скоро нагрянут на мир золотые синички
 и то посмотреть и по правде сказать — еретички
 лишь в ризах пурпурных придут, что пономари
 пророчить метель и грехи отпускать снегири

Вместо эпилога

что сказать тебе, друг, на прощанье, пропадая в закатной пыли? —
облака над страной, как кремли, как курлы журавлиной печали,
валаамские монастыри...

положу в твою черную робу в одиноком сибирском скиту
самородок, подобный стиху, чтоб отпраздновать дружество, чтобы
исповедаться начистоту.

облака над страной, облака! убываю причастьем страдательным,
кропотливым словесным старателем, намывающим по ночам
лунный свет — это ваше сиятельство.

пусть евангельским рыбакам
будет сызнава путь уподоблен службе букве, весомой, как рыбы,
мы сегодня с тобою — ловцы, и закинутый невод огромен,
и пленительны душ образцы.

если рифма всегда — палимпсест, приложение к библейскому смыслу,
не печалься, что рылом не вышли, начинавшийся с сильных мест
голос Слова — вот истинный Крест!
пусть порадуетя Всевышний!
до свидания, друг, — до небес!

